

А. Д. ДМИТРЕВ

НАРОДНЫЕ ДВИЖЕНИЯ В ВОСТОЧНОРИМСКИХ ПРОВИНЦИЯХ В ПЕРИОД ДУНАЙСКИХ ВОЙН III в. (236—278 гг.)

Дунайские войны, происходившие в восточных провинциях Римской империи в середине III в. в период глубокого социально-экономического кризиса, являются событием, до некоторой степени повлиявшим на дальнейшие исторические судьбы огромной рабовладельческой державы. Это был первый могучий удар многочисленных европейских племен по рабовладельческому строю, в результате которого империя вынуждена была перестроить свой государственный аппарат, а вскоре окончательно распасться на восточную и западную части в обстановке непрекращавшейся напряженной борьбы с внешними и внутренними врагами.

Поэтому события, связанные с дунайскими войнами, представляют и для историка ранней Восточно-Римской империи специальный интерес, поскольку они дают ему возможность уяснить общие закономерности распада единой империи.

В существующей литературе весь продолжительный период дунайских войн, когда, по словам христианского писателя Киприана, „весь мир, как бы разделенный на два противоположных лагеря, был залит кровью“¹, характеризуется только как время борьбы римлян с вторгавшимися в Балканские провинции и в Малую Азию различными европейскими племенами без всякого упоминания о внутренней социальной борьбе угнетенных римским завоеванием народных масс, восставших против римского господства. Некоторые буржуазные историки игнорируют роль и значение этой народно-освободительной борьбы, что неразрывно связано с их реакционной тенденцией принизить и всячески затушевать роль народных масс во всемирно-историческом процессе. В нашей же советской науке вопросы классовой борьбы и народных движений в бурный период дунайских войн еще совершенно не изучены. Однако при изучении этих важных вопросов мы сразу же сталкиваемся с весьма большими трудностями, вследствие крайней скудости, фрагментарности и неполноценности исторической документации, которая в том или другом отношении освещает указанные вопросы. Казалось бы, что многочисленные римские историки должны были дать нам более ценные и полные сведения, на основании которых можно было бы воссоздать более или менее ясную и детальную картину народных движений и классовой борьбы во время дунайских войн. Но именно в этом вопросе римская историческая традиция становится чрезвычайно скупой, и мы очень мало можем извлечь из ее скудных, часто противоречивых,

¹ Сурриан. Ad Donatum, 6.

тенденциозных и путаных рассказов. Все, что мы можем извлечь по вопросу о классовой борьбе в восточных провинциях непосредственно из исторических сочинений или хроник, дошедших до нашего времени, не только представлено с резко выраженной точки зрения социально-политических симпатий автора-римлянина, принадлежавшего к господствующему рабовладельческому классу, но, за весьма немногими исключениями, настолько бесцветно и бессодержательно, что основываться на этом материале совершенно не представляется возможным. При этом не представляется очень часто возможным четко провести различия между внешними, задунайскими „варварами“ и местными жителями восточноримских провинций, которых римские писатели, как известно, также именовали варварами, а это обстоятельство сильно затемняет истинный смысл происходившей ожесточенной борьбы.

Такое состояние источников представляет весьма досадный пробел, ибо делает для нас невозможным воссоздать подлинную и более или менее подробную картину событий, происходивших в восточных провинциях империи в период дунайских войн. Это же обстоятельство послужило причиной того, что немецкие националистические историки конца XIX и начала XX в. неправильно осветили весь период дунайских войн, что не изжито в некотором отношении еще и до настоящего времени.

Эти немецкие националистические историки, излагая события дунайских войн, ставили повсюду на первое место готов-германцев, которые якобы организовывали и вели за собой все другие негерманские племена. При этом в трудах этих историков тенденциозно подчеркивалась провиденциальная историческая миссия готов и ставилась определенная задача возвеличить готов перед римлянами. Так, Б. Рапппорт главную причину успеха вторжений видел „в смелой отваге и дикой храбрости готов, которые столь часто внушали римлянам ужас и страх. Отсюда получалось, что жители областей, куда вторгались готы, были неспособны к стойкому и мужественному сопротивлению“.¹ Вслед за ним Г. Дельбрюк, называя весь период вторжений III в. на Дунае „готскими войнами“, пытался доказать якобы „природное стратегическое искусство“ готов, „врожденное“ им стратегическое дарование,² а румынский историк Н. Йорга по поводу дунайских войн писал: „Эти многочисленные gentes Sarmatorum сами по себе никогда не представляли серьезной опасности для Рима. Только у германцев была действительная, угрожающая и всепобеждающая сила варварства... и только когда на границах империи появились новые варвары германской крови, начался всесокрушающий поток вторжений“.³

Такие тенденциозные шовинистические установки являются необоснованными и не соответствуют исторической действительности. На самом деле в массовых вторжениях в Балканские провинции в этот период, как показывают источники, не готы вели за собой все другие племена. В это время в пределы империи проникали племена весьма смешанного этнического состава, и в этом этнически пестром конгломерате племен готы, представлявшие собой ряд мелких ответвлений восточногерманского мира, еще не играли никакой ведущей роли и пле-

¹ B. Rappaport. Die Einfälle der Goten in das römische Reich bis auf Constantin. Leipzig, 1899, стр. 120.

² Г. Дельбрюк. История военного искусства в рамках политической истории, т. II. М., 1937, стр. 238 сл.

³ N. Jorga. Geschichte des Rumänischen Volkes, Bd. I. Gotha, 1905, стр. 40.

лись в хвосте других негерманских племен. Ведущую роль в это время среди восточноевропейских племен, соседних с Римской империей, играли большие федерации гето-фракийских и сарматских племен, объединяемые у античных писателей общим этническим именем скифов, которое впоследствии было распространено и на готов, ибо, как говорит Страбон, вследствие неосведомленности отдельные народы в каждой стране подводились под одно общее имя (т. е. племенное название).

Поэтому еще Моммзен отрицал ведущую роль готов во вторжениях III в. на Дунае. „Эту катастрофу, — писал он, — можно назвать готской войной лишь в том смысле, в каком войну, начавшуюся при Марке Аврелии, называют маркоманнской. Вся масса народов, приведенная в движение потоком кочевников, шедших с северо-востока к Черному морю, принимала участие в этой катастрофе...; в набегах участвовали и готы, но не выдающимся образом; в сущности было бы более правильным называть эти экспедиции скифскими, а не готскими“.¹

Действительно, если обратиться к историческим и археологическим памятникам без предвзятых установок, то господствующая и организаторская роль готов во вторжениях III в. станет более чем сомнительной.

Мы видим, что у римских писателей, живших и писавших в III в. н. э., когда римляне уже вошли в прямое соприкосновение с северо-восточными европейскими племенами и когда начались уже интенсивные вторжения на Дунае, открывшие период дунайских войн, нет никаких упоминаний о готах. У крупнейшего историка Диона Кассия о готах никакой речи нет. Всюду он говорит только о скифах. К скифам он относит гетов, даков и бастарнов, т. е. те федерации гето-фракийских племен Карпато-Дунайского района, которые принимали участие в сильном натиске на империю в период маркоманнской войны. Но нигде о готах Дион Кассий ничего не говорит, кратко описывая столкновения римлян с соседними европейскими племенами в восточной части дунайской границы.²

В нашей литературе еще до настоящего времени удерживается мнение, укоренившееся в буржуазной историографии, будто бы уже в начале III в. н. э. готы сплошной массой жили в части римской провинции Дакии и в областях, прилегающих к нижнему Дунаю, и будто бы в 214 г. они впервые столкнулись с римлянами на Дунае. Так, например, В. Ф. Гайдукевич пишет, ссылаясь на Раппапорта и Шмидта: „В начале III в. готы уже делали попытки пересекать границу и вторгаться на территории принадлежавших Риму земель, расположенных севернее Дуная. Летом 214 г. римские силы впервые пришли в непосредственное соприкосновение с тревожившими Дакию отдельными отрядами готов, над которыми император Каракалла одержал тогда победу“.³ Однако никаких достоверных исторических свидетельств о столкновениях Каракаллы с готами нет. О сражениях Каракаллы с готами во Фракии во время его похода на Восток у Диона Кассия и у других римских писателей даже никакого намека нет.⁴ Как говорят источники, Каракалла, направляясь в Азию, имел во Фракии сраже-

¹ Т. Моммзен. История Рима, т. V, Провинции от Цезаря до Диоклетиана. Русск. перев., М., 1949, стр. 206.

² Cass. Dio, LI, 22, 6; 23, 2—7; ср.: XXXVIII, 10, 5; LXVII, 6, 2.

³ В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.—Л., 1949, стр. 440; ср.: П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М., 1953, стр. 144.

⁴ Cass. Dio, LXXVII, 16, 7; ср.: LXXVIII, 27.

ние,¹ но он не мог там сражаться с готами, так как в то время их там не было, и ни один источник не говорит нам о вторжении готов в эту провинцию при Каракалле. Источники говорят, что Каракалла победил в Дакии восставших против римского господства покоренных даков, которые сражались совместно с этнически родственными им карпами,² а затем во Фракии победил, очевидно, гето-фракийские племена, — готов, а не готов, за что и получил прозвание „Гетского“, подавшее повод к злой шутке над ним, как убийцей своего брата Геты.³ Поэтому еще Моммзен отрицал то, что готы впервые упоминаются у Элия Спартиана в его биографии Каракаллы (гл. 10), считая, что такое мнение основано на недоразумении.⁴ Далее, важнейшее сочинение современника вторжений III в. на Дунае Дексиппа, подробно описавшего дунайские войны, имело общее заглавие не „Готдикá“, а „Σκιδδικά“ и, по крайней мере, во всех дошедших до нашего времени фрагментах его сочинения речь идет, по сути дела, не о готах, якобы „наиболее активном элементе“ в этих войнах,⁵ „оказавшихся во главе обширных племенных союзов“,⁶ а о скифах, под которыми он, как и все римские писатели, разумел пеструю, этнически смешанную массу в подавляющем большинстве не германских племен.⁷

Зосим, который для истории дунайских войн III в. несомненно использовал сочинение Дексиппа, не оставляет в этом никаких сомнений. В его рассказах об этих войнах готы никакой ведущей, организаторской роли в походах не играют. Всюду при описании отдельных вторжений и набегов соседних племен в его историческом труде фигурируют скифы как смешанная этнически масса „варваров“, среди которой теряются готы и другие мелкие германские племена.⁸ На протяжении всего его повествования о вторжениях на Дунае мы имеем только три упоминания собственно о готах, которые, однако, выступали совместно с могущественными гето-фракийскими племенами Карпато-Дунайского района, а именно с карпами, бастарнами-певкинами, боранами и уругундами, но не во главе их в качестве „властителей и организаторов“ походов и главной силы среди всех других племен.⁹

Если объективно подходить к источникам и основываться на всей их совокупности, то можно говорить, что в этот период дунайских войн „властителями и организаторами“ были карпато-дунайские гето-фракийские племена, из которых составлялись для походов в глубь

¹ Cass. Dio, LXXVII, 16, 7.

² Там же, LXXVIII, 27, 5; ср.: SHA, Caracal., 5, 4: „...dein ad orientem profectioem parans omisso itinere in Dacia resedit“. О карпах см.: CIL, III, 14416; Petr. Patr. fragm. 8, FHG, IV, стр. 186.

³ SHA, Caracal., 10, 6, „...et Gothi Getae dicerentur, quos ille, dum ad orientem transit, tumultuariis proeliis devicerat“.

⁴ Т. Моммзен, ук. соч., стр. 206, прим. 1.: „Если один сенатор действительно позволил себе злую шутку — дать убийце Геты имя «Гетского» на том основании, что во время своего похода от Дуная на Восток он победил несколько неорганизованных отрядов готов (tumultuariis proeliis — в беспорядочных сражениях), то этот сенатор имел в виду даков, а не готов, которые едва ли жили там в то время и едва ли были знакомы римской публике“.

⁵ В. Ф. Гайдукевич, ук. соч., стр. 443.

⁶ П. Н. Третьяков, ук. соч., стр. 144.

⁷ FHG, III, стр. 674—687; ср.: ВДИ, 1948, № 2, стр. 308 сл.

⁸ Zosim., I, 23; 26, 1; 28, 1; 29, 2; 31, 2, 3; 32, 1, 2; 34, 1; 37, 1, 3; 38, 1; 39, 1; 40, 1; 42, 1; 43, 2; 44, 1; 45, 1; 46, 1; 48, 1; 63, 1; 64, 2.

⁹ Там же, I, 27, 1; 31, 1; 42, 1. Может быть, уругунды тождественны с ургами (Ούργοι), которые, по Страбону, обитали между Борисфеном и Истром, а также и по Истру, нередко на обоих его берегах (Strab., VII, 3, 17; ср.: Zosim., I, 31, 1: γένη δὲ ταῦτα περὶ τὸν Ἰστρον οἰκούντα Ουργουνοὶ).

римской территории племенные союзы, включавшие в себя и сарматские, и аланские, и германские, и славянские этнические элементы. Следует подчеркнуть, что благодаря последним достижениям советской исторической науки в настоящее время можно считать несомненным фактом, что в это время напряженной борьбы двух миров — племен западной, средней и восточной Европы, с одной стороны, и рабовладельческой империи, с другой, — славянские племена не оставались в стороне от этих событий, а играли в них активную роль. В союзе с другими гето-фракийскими племенами отдельные славянские дружины выступали также против рабовладельческого мира в период дунайских войн III в.¹ Этот конгломерат европейских племен римские писатели II—III вв. называли то скифами, то фракийцами, то гетами, а область их поселений именовали гетской землей или Гетией.² И только у позднейших писателей, начиная с середины IV в. и далее, наравне со скифами выступают уже и готы как главная сила вторгавшихся из-за Дуная „варваров“.³

Причина ясна. Тогда уже этническая особенность гето-фракийцев была окончательно подорвана, они уже не представляли для римлян серьезной угрозы, а вместо них сложился большой союз гето-германских и других примыкавших к ним племен, с которыми римляне вели тогда напряженную борьбу. Вот почему при описании давнопрошедших дунайских войн позднейшие писатели стали явно смешивать готов с древними фракийскими гетами и, с одной стороны, распространяли имя готов на все гето-фракийские племена, а с другой стороны, переносили на готов имя гетов.

Это смешение, облегчаемое созвучием двух этнических названий, ясно видно у Юлия Капитолина в его биографии императора Максимиана. Биограф пишет, что Максимиан был фракийцем и родился во фракийской деревне, где жили его родители.⁴ Но далее пишет, что отец его происходил из „Готии“, а мать была аланкой.⁵ Здесь под фракийской Готией Юлий Капитолин очевидно разумел область фракийских гетов южнее Дуная, так как дальше он пишет, что Максимиан был любим гетами, ибо они считали его своим соотечественником⁶ и что смерть его вызвала у „варваров“, т. е. фракийских гетов, большую печаль.⁷ Иордан же прямо называет его готом, а не гетом, и отсюда ясно видно смешение между двумя этнически различными народностями, которое автор допускает как в данном случае, так и во многих

¹ М. Ю. Брайчевский. Археологические свидетельства участия восточных славян в политических событиях римской истории III—IV вв. н. э. (на укр. яз.). Археологія, VIII, 1953; П. Н. Третьяков, ук. соч., стр. 141; Е. В. Веймарн и С. Ф. Стржелецкий. К вопросу о славянах в Крыму. Вопросы истории, 1952, № 4, стр. 96—98.

² Землеописание Дионисия Периегета, 298—320; В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. ВДИ, 1948, № 1, стр. 238; Artem. Dald. Oneirocriticon, I, 8; русский перевод: там же, стр. 262; Arrian., Cyneget., 23, 2; русский перевод: там же, стр. 280, Arrian., fr. 55, FHG, III, p. 596; Aristid., XXVI, 70 K, ed. Dindorf, I, стр. 350; Лукиан, Менипп, 16; русский перевод: ВДИ, 1948, № 1, стр. 303.

³ SHA, Gallien., 6, 2: „Scythae autem, hoc est pars Gothorum, Asiam vastabant“.

⁴ SHA, Maxim., 9, 5: „... ut erat Thrax et barbarus“; ср.: 4, 4: „... et in Thracia in vico, ubi genitus fueret“; ср.: Herodian., VI, 8, 1; Aur. Vict. De caesar., 25.

⁵ Там же, I, 5: „... barbaro etiam patre et matre genitus, quorum alter e Gothia, alter ex Halanis esse perhibetur“.

⁶ Там же, 4, 4: „... amatus est unice a Getis quasi eorum civis“.

⁷ Там же, 24, I: „... quibus mortuis (mortibus) ingens laetitia provincialium, dolor gravissimus barbarorum“.

других.¹ Геты, жители Малой Скифии, под его пером превратились в готов.

Еще яснее это смешение и отождествление двух созвучных этнических имен видно из сопоставления рассказов Филосторгия и Иордана об Ульфиле. Филосторгий, рассказывая о том, что Ульфила изобрел буквы и перевел библию, замечает, что это он сделал „для скифов, которых теперь называют готами, а в древности — гетами“.² Иордан же называет этих древних жителей скифов—готов готами и пишет, что „в наши дни [552 г.] они живут в Мезии в области Никополя у подножия Гемимонта“ и что Ульфила был у них епископом и изобрел для них алфавит.³ Но Филосторгий пишет, что Ульфила был посвящен в епископы для христиан „Гетии“ и эту же Гетию называет Мезией.⁴

Другие писатели также переносят на готов имя древних гетов — фракийцев.

Аврелий Виктор называет Дакию и Фракию „genitales Gothorum terras“.⁵ Иероним пишет: „Gothos ab antiquis Getas vocatos esse“.⁶ Павел Орозий замечает „modo autem Getae illi qui et nunc Gothi“.⁷ Прокопий Кесарийский рассказывает, что на втором году войны Юстиниана с готами (Тотилой) „в Риме некоторые из патрициев огласили предсказание Сивиллы, утверждая, что опасность для Рима будет продолжаться только до июля; что предсказано, будто тогда явится у римлян некий император, благодаря которому Рим в дальнейшем не будет ничего бояться со стороны гетов. Они утверждали, — продолжает Прокопий, — что племя гетов это и есть готы“.⁸ И в другом месте Прокопий говорит, что „в древности готы, вандалы, визиготы и гепиды назывались между прочим савроматами и меланхленами, некоторые же также называли их гетами“.⁹ Отсюда ясно, что в представлении писателей V—VI вв. когда-то страшные для Рима могущественные гетофракийские племена стали готами и они переносили на последних все деяния древних гетов.

Под пером Иордана (Кассиодора) древняя история гето-фракийских племен, боровшихся за свою свободу против римского завоевателя, уже окончательно превратилась в историю готов, а их вторым „древним отечеством“ сделали Мезия и Фракия.¹⁰ Это произошло очень просто. Как известно, об истории готов большой труд в 12 книгах написал высокий сановник остготского короля Теодориха Кассиодор. Он поставил перед собой определенную задачу возвеличить значение готов в глазах римского образованного общества и вместе с тем послужить своим сочинением политическим целям Теодориха.

Осуществляя эту задачу, Кассиодор не считал нужным быть особенно щепетильным с исторической истиной. Ему нужно было любой

¹ Jordan. Get., XV, 83 сл.; ср.: N. Jorga. Hist. des Roumains et de la romanité orientale, I². Bucarest, 1937, стр. 345.

² Philost. Hist. eccl., II, 5, ed. Bidez: „ἐκ τῶν πέρην Ἰστρον Σκυθῶν οὓς οἱ μὲν πάλαι Γέτας οἱ δὲ νῦν Γότθους καλοῦσι“.

³ Jordan. Get., LI.

⁴ Philost. Hist. eccl., II, 5: χειροτονεῖται τῶν ἐν τῇ Γετικῇ χριστιανοῦσάντων... τὰ τῆς Μυσίας χωρία; ср.: Socrat., Hist. eccl., IV, 33, 4; Theodoret. Hist. eccl., IV, 37; Sozom. Hist. eccl., II, 6; VI, 37.

⁵ Aur. Vict. De caes., 47.

⁶ Hieronym. Praef. epist. ad Galatas.

⁷ Oros., I, 16.

⁸ Procop. De bello Goth., I, 24, 28, 30.

⁹ Procop. De bello Vandal., I, 2, 2.

¹⁰ Jordan. Get., XVII, 5; ср. XXVI, 138.

ценой представить готов — единоплеменников королевского дома Ама-лов — прирожденными властителями на римской земле и добыть для их прошлой истории славу завоевателей „второго отечества“. С этой целью он не только отождествляет готов со скифами прежних греко-римских писателей, но, используя сходство этнических имен, просто приравнивает их к гето-фракийским племенам Карпато-Дунайского района, узурпирует для готов древнюю, исконную родину гетов и все деяния последних в их борьбе против Римской империи переносит на готов. Благодаря такому методу история скифов—гетов сделалась историей единоплеменников короля Теодориха, и ее можно было начинать со времени персидского царя Кира.

Поэтому те извлечения из Кассиодора, которые сохранил Иордан, не могут дать исторически правдивой и ясной картины событий, связанных с дунайскими войнами III в. Используя этот факт смешения и отождествления гето-фракийцев с готами у римских писателей, некоторые буржуазные ученые, особенно немецкие националистические историки, создали даже этнографическую гипотезу о полном родстве гетов с готами и пытались доказать, что германские племена испокон веков обитали в Карпато-Дунайском районе и никакого переселения гетов не было. Готов и гетов считали двумя ветвями одной германской народности, расселившейся на огромном прострaнстве от Балтики до Дуная. Эта фантастическая гипотеза, имевшая в свое время в фашистской Германии большое распространение, понятно, является чистейшим вымыслом. Даже националистическая немецкая археология, пытавшаяся обосновать эту гипотезу, не могла указать ни одного вещественного памятника в подкрепление этих измышлений. Поэтому они были отброшены, но в буржуазной науке до настоящего времени прочно сохраняется традиция, по которой принято считать, что готские племена уже в начале III в. н. э. стали играть на Дунае господствующую роль в политическом и в культурном отношениях и в период дунайских войн были главным врагом Римской империи, ведя за собой против нее все другие племена.

Однако вся совокупность археологических и исторических данных не подтверждает этого, а на рассказы Иордана опираться нельзя. Новейшая археологическая наука, изучая развитие культуры в придунайском районе, не может обнаружить здесь никаких реальных признаков пребывания готов в III в. До настоящего времени остается фактом, что нет никаких бесспорных археологических данных о заселении готами Дакии в III в. Нельзя, конечно, отрицать, что мелкие восточногерманские племена вместе с гето-фракийцами, сарматами, славянами, аланами и другими европейскими племенами вторгались в III в. в римскую Дакию. Но найденные во многих местах Румынии вещественные памятники показали, что до самого IV в. ничего готского в Дакии нет. Только с этого времени появляются неоспоримые следы готов в Трансильвании, как и в других придунайских областях.¹

Мы так долго останавливались на чрезвычайно запутанном в зарубежной историографии „готском вопросе“, чтобы показать, что, по нашему мнению, основывающемуся на всей совокупности источников, в разгоревшихся с особой силой к середине III в. войнах причерномор-

¹ G. I. Bratianu. Les origines du peuple Roumain. Bucarest, 1939, стр. 34, сл. Dumitrescu. Une tombe de l'époque des migrations. Rev. Ist. Română, IV, 1936, стр. 76; Ed. Beninger. Der westgotisch-alanische Zug nach Mitteleuropa. Leipzig, 1931, стр. 11.

ских племен с Римской империей наиболее активную и важную роль в качестве главной антиримской силы играли соседние с Римом различные гето-фракийские племена Карпато-Дунайского района, издавна обитавшие здесь и служившие неисчерпаемым резервуаром, откуда империя в огромном количестве черпала для себя рабов. Для нашего вопроса о народных движениях и характере их в восточных провинциях в период дунайских войн этот факт имеет весьма важное значение. Он позволяет установить, что для поработанных народностей Балканских провинций эти дунайские войны против империи соседних европейских племен являлись освободительными войнами, так как на их территорию, завоеванную Римом, вторгались их соплеменники — гето-фракийцы и среди них такие могущественные, как карпы и бастарны. И те и другие искони находились в тесной связи, обусловленной этническим родством и близостью их интересов; и те и другие были враждебны Римской империи, ибо первые уже были поработаны и владели под игом рабовладельческого Рима жалкое существование, а вторые — свободные и непокоренные — являлись потенциальными завтрашними рабами, ясно видевшими, что их рано или поздно постигнет участь покоренных племен Дакии, Мезии и Фракии. Это и создавало глубокие и прочные общественно-экономические основы для консолидации поработанного населения Балканских провинций с вторгавшимися на их территорию „варварами“ и для их совместной борьбы против Рима.

Но в этом же была и ахиллесова пята римского господства над покоренными народами, несмотря на блестящую организацию военного дела и на безусловное военное превосходство и подавляющую военную мощь перед нестройными и плохо вооруженными толпами вторгавшихся из-за Дуная племен.

Действительно, обращаясь к самим вторжениям, мы не должны создавать себе иллюзию о „неисчислимой“ боевой силе и боевой организованности вторгавшихся европейских племен. Не следует преувеличивать этот поток, как это до настоящего времени делается еще и некоторыми нашими историками, утверждающими, что „европейские племена мощной лавиной обрушились на Римскую империю, ослабленную старческим недугом“, что „их неисчислимые полчища хлынули через пограничные реки — Рейн и Дунай, неся поражение римским легионам“.¹ Верно, что именно так изображали дело античные писатели, чтобы хоть как-нибудь смыть с державного Рима тяжкий позор за те поражения, которые наносили ему презираемые им „варвары“. Однако на самом деле в период дунайских войн ничего подобного не было. Поэтому мы должны отбросить эти традиционные представления о грандиозной численности „варваров“, об их организованной и планомерной войне против римского государства, длившейся в течение сорока лет. Эти традиционные представления должны быть отброшены нами как вымысел, не имеющий для исследователя никакого значения.

Вторжения в III в. имели характер бессистемных и неорганизованных набегов отдельных военных дружин с примыкавшими к ним „попутчиками“ без единого общего руководства, без единого плана, без ясно поставленных и неуклонно осуществляемых стратегических и политических целей. О планомерном и организованном характере вторжений в этот период не может быть речи, как нельзя говорить и о „неисчислимых“ полчищах или непрерывных „потоках варваров“, устрем-

¹ П. Н. Третьяков, ук. соч., стр. 137.

лявшихся вглубь римской территории и растекавшихся по провинциям, как набегающие волны одна за другой. Перед римской мощью стояли, таким образом, не равные по силе и организованности враги. Иногда это бывали только *latrunculi*, разбойничьи шайки, как презрительно называли римские юристы этих врагов.¹

Как же возможно было, чтобы такое сравнительно небольшое число вторгавшихся дружин столь успешно выполняло свои военные предприятия и делало такие глубокие вторжения? Как возможно было, чтобы они так далеко удалялись от своих баз, разбивались на отдельные небольшие отряды, так долго хозяйничали на чужой территории среди враждебного им населения и благополучно возвращались за Дунай в пределы своих поселений? Эти вопросы естественно возникают у исследователя при чтении рассказов римских писателей о дунайских войнах. Под их пером „варвары“ появляются часто внезапно, иногда одновременно в различных районах той или другой провинции, отряды их свободно переправляются через Дунай, проходят невредимо мимо пограничных укреплений, не встречая сопротивления или успешно разбивая высланные против них войска, углубляются далеко, ничем не останавливаемые, и часто берут большие укрепленные города, не имея ни стенобитных машин, ни других осадных орудий.

По всей Мезии, всей Фракии и Македонии на всем огромном протяжении от Дуная проходят „варвары“, множество жителей уводятся в плен, и враги в конце концов благополучно и беспрепятственно с огромной добычей возвращаются за Дунай, как будто эти вторгнувшиеся отряды „варваров“ совершали легкую военную прогулку. Нужно прямо сказать, что это невозможное дело, если иметь в виду, что, по рассказам писателей, императоры посылали против „варваров“ большие армии и отличных полководцев.

Ясно поэтому, что скудные и сухие рассказы римских писателей о событиях в период дунайских войн весьма многого нам не передают и помимо своей фрагментарности изобилуют, повидимому преднамеренно, умолчаниями о внутреннем состоянии провинций и о настроениях и поведении их жителей в моменты вторжений. Этот недостаток полного и ясного повествования о дунайских войнах и послужил для немецких шовинистических историков благодарной почвой, на которой стали обильно произрастать всякого рода измышления о дикой храбрости и смелой отваге готов, перед которыми римская военная мощь якобы не могла устоять. Каковы же действительные причины успехов вторгавшихся на римскую территорию задунайских племен? Как и чем можно их разумно объяснить?

Прежде всего, нужно учитывать общую социально-политическую ситуацию в империи в этот период. Нельзя забывать того, что дунайские войны происходили в момент обострения общего хозяйственного и политического кризиса римского рабовладельческого общества. Известно хорошо, что этот кризис чрезвычайно болезненно поразил империю и привел к глубокому расстройству всей внутренней жизни и полному ослаблению всех политических и экономических скреп Средиземноморской державы, не имевшей своей экономической базы и представлявшей „конгломерат племен и народностей, живших своей жизнью и имевших свои языки“.²

¹ Dig., XLIX, 15, 24; L, 16, 118.

² И. В. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1951, стр. 12.

Кризис выражался в падении римской военной мощи, разложении легионов, мятежах и дезертирстве солдат, раздорах между военно-придворными группировками, приводивших к убийствам императоров, к узурпациям и кровавой борьбе за верховную власть. Кризис выразился в резком обострении тех экономических затруднений, перед которыми оказывалось бессильным рабовладельческое хозяйство империи еще в конце II в. Он вызвал ослабление и распад хозяйственных связей империи с провинциями, вследствие чего внутри провинций наметилось новое соотношение социальных сил и обнаружилось тенденции экономически господствовавших групп провинциального населения к отпадению от центральной власти. Все эти явления общей экономической и социально-политической разрухи, конечно, облегчали вторгавшимся из-за Дуная европейским племенам проникновение в пограничные провинции.

Однако решающим фактором, влиявшим на успех вторжений, была освободительная борьба угнетенного населения восточных провинций, которая в обстановке общего кризиса империи и происходивших вторжений принимала широкий размах. Бедные подробностями, лаконичные рассказы римских писателей, не понимавших смысла происходивших событий и искажавших подлинный характер их, не позволяют нам дать детальную картину этой освободительной народной борьбы против угнетающего римского господства. За „варварами“, за скифами, за готами почти совсем скрылись народные массы, поработанные, но не покоренные римским завоевателем. Проникнутые открытой враждебностью к римским порядкам, они должны были как-то реагировать на события, но о них, об их настроении и поведении римские писатели почти ничего не говорят. Между тем не подлежит сомнению, что в огне бедствий в период дунайских войн население восточноримских провинций по-разному переживало их и по-разному относилось к ним. Знатные и богатые римские колонисты и местная романизованная знать перед лицом вторгавшихся врагов зарывали в землю свои сокровища, хватали из своих пожитков все, что могли унести, и бежали в укрепленные города или в глубокий тыл.¹ Зосим часто говорит об этом паническом бегстве имущего населения восточных провинций, подвергавшихся нашествию европейских племен.² Но зависимые массы местного населения и многочисленные рабы были полны другими чувствами. Чуждая им римская цивилизация, прививаемая им вместе с рабством, вызывала у них непроборимую ненависть и жажду мести за потерю своих свободных общинных порядков. Их свободолюбие и демократический инстинкт нельзя было подавить никаким террором. Эти чувства и поднимали поработанные народные массы на отчаянную и ожесточенную борьбу с римским государством во время вторжения соседних европейских племен. Самый характер вторжений, их стихийно-опустошительная сила была созвучна стихийным порывам рабов и угнетенных бедняков, ибо эта опустошительная сила развертывалась под знаком уничтожения рабовладельческой цивилизации. Вторгавшиеся племена разрушали на римской земле не только храмы, но и римские рабовладельческие порядки, римский гнетущий строй жизни. Они несли с собой новые порядки, новый общественный строй, пусть более примитивный, но такой строй, который фактически приводил к несомненному улучшению быта

¹ О множестве монетных кладов в Балканских провинциях в период дунайских войн см.: E. Babelon. *Traité de monnaies*, P. 1900, стр. 559—569; H. Mattingly and E. Sydenham. *The Roman Imperial Coinage*, V. I. 1927, стр. 5—8.

² Zosim., I, 33, 3; 35, I и др.

угнетенного населения восточных провинций. Эта именно антирабовладельческая опустошительная сила вторжений и находила широкий отклик в сердцах поработанных народных масс. Она отвечала собственным чаяниям и надеждам масс, и они среди бедствий и несчастий, среди разрухи и царившей кругом смерти с чувством радости, как спасителей, ожидали и встречали пришельцев с того берега реки, стекались под их знамена и не видели в них своих врагов. Литературное отражение такого настроения угнетенных масс мы можем найти в христианских источниках, поскольку дух оппозиции и ненависть к угнетательскому римскому миру в тех исторических условиях проявлялись в идеологии раннего христианства.

Заслуживает особенного внимания эсхатологическое сочинение христианского поэта Коммодиана „Carmen apologeticum adversus Judaeos et gentes“. ¹ В этой поэме Коммодиан весьма подробно изображает последние дни существования современного ему мира и характеризует различные признаки конца этого мира. Хотя он при изображении картины последних дней мира обильно черпает образы и символику из апокрифических сочинений и Сивиллиных книг, но признаки наступления конца мира, связываемого в его представлении с гибелью Римской империи, он заимствует из современных ему событий римской жизни. Его картины являются лишь религиозно-художественным переоформлением народных чаяний и надежд, которые поэт кладет в основу своей поэмы о последних днях. Поэтому в эсхатологическом сочинении Коммодиана мы находим прекрасное и чрезвычайно яркое отражение идеологии широких христианских масс в период общего кризиса империи и дунайских войн. Грядущая гибель ненавистного Рима, как желанное событие, стоит в центре внимания этих масс. ² Только после ниспровержения Рима люди смогут воскреснуть для новой жизни и благословлять счастье, вспоминая, как тяжело было прежде. ³ Тогда всякая печаль удалится от тела, удалятся тогда и раны и не будет тогда никакого страдания, но вечная радость воцарится на земле. ⁴ Скоро, очень скоро наступит это, о чем все мечтают, и многие признаки говорят о том. ⁵ Вот уже во всеоружии готы переходят реку, а вместе с ними страшный именем царь Аполлион. Он идет со многими тысячами народов к Риму, чтобы уничтожить гонение, воздвигнутое на святых, и, по определению бога, возьмет его. ⁶ Тогда взятые в плен сенаторы будут рыдать и, побежденные варваром, будут проклинать бога небес. ⁷ Христиан же эти варвары будут защищать везде, где бы они ни находились, и будут обходиться с ними как с братьями, встречая их с радостью, в то время как развратных и почитающих пустых идолов римлян будут преследовать, а сенат проведут под ярмом. ⁸

Поэт в ярких красках рисует картины народного счастья после ниспровержения Рима варварами, равно как и ужасную судьбу, ожи-

¹ E. Ludwig. *Commodiani carmina*. Lipsiae, 1887. О личности, времени жизни и сочинениях Коммодиана см.: J. Durel. *Commodien. Recherches sur la doctrine, la langue et le vocabulaire du poète*. Paris, 1912; A. Fr. van Katwijk. *Lexicon Commodianum cum introductione de Commodiani vita, temporibus, sermone*. Amsterdam, 1934.

² *Commod., Carm. apolog.*, стих. 918—919.

³ Там же, 786—787.

⁴ Там же, 794—795.

⁵ Там же, 798—800.

⁶ Там же, 801—807.

⁷ Там же, 808—809.

⁸ Там же, 810—813.

дающую утеснителей народа — римлян. В этих антитезах он ясно ставит на одну сторону „humiles“ — простых людей, а на сторону утеснителей их ставит „reges“, „senatores“, „locupletes“, „primores“.¹

Идея отмщения нечестивцам за земные страдания, на которые они обрекли простых людей, выражена в поэме не менее убедительно. Поэт не скупится на яркие краски при изображении ужасной судьбы, ожидающей их. Поднимется тогда плач и рыдание нечестивцев и не будет им нигде покоя на земле. Они будут гореть в страшном пламени, и мать, горящая в огне, не поможет своему ребенку.² Небесный гнев будет свирепствовать повсюду, и куда бы ни побегал нечестивец, его всюду охватит пламень, и он сгорит.³ Не скроется никто в пещере, не убежит никто на корабле.⁴ Сгорит Рим, сгорит и весь сенат, а знатнейшие препозиты и легаты будут обращены в рабов;⁵ святые вступят во владение поместьями.⁶ Не придет им тогда на помощь никто из тех, кого они раньше считали сильными. Это был народный хилиазм, ярко отражавший в переоформленном виде в sacramентальной форме надежды простых людей на лучшую земную жизнь. В восточных римских провинциях масса простых людей упорно защищала эту народную надежду от всяких форм искажения, посредством чего бюрократизирующиеся церковные руководители пытались устранить враждебный для римского государства народный хилиазм; последний, отражая ненависть народных масс к рабовладельческому Риму, под словами „да придет скорее царство твое“ всегда понимал исчезновение Римской империи со всей ее угнетающей культурой. Гонимый церковной верхушкой, народный хилиазм уходил в секты, и его проповедь в обстановке обостренных классовых противоречий получала характер боевой антиримской пропаганды.

Для нас важно подчеркнуть, что этот хилиазм, отражая жгучие надежды угнетенных масс, связывался с вторжениями задунайских племен и прямо указывал им на ту внешнюю силу, которая положит конец их страданиям и осуществит их надежды на лучшую земную жизнь.

Так получали массы идейный толчок к освободительной борьбе и вместе с тем идейное оправдание их переходу на сторону врагов угнетающего их государства. Массы готовы были активно помочь врагам империи и содействовать скорейшему пришествию нового царства Христа.

Этот народный хилиазм, особенно распространившийся в восточных провинциях, становился особенно действенным в период дунайских войн. Начавшееся закабаление обезземеленных крестьян, жестокий налоговый гнет и произвол римских военных и гражданских властей усиливали вражду и ненависть простых людей к господствующему классу, обостряли противоречия между паразитирующими колонизаторами и трудящейся беднотой, создавали революционную ситуацию в восточных провинциях империи. Вместо храмовой или общинной земли в первой половине III в. здесь появились обширные императорские домены и частные латифундии, обрабатывавшиеся обезземеленными и

¹ *С o m m o d., Carm. apolog., 1035; passim; ep.: Instruct., II, 3, 8, 10—13; II, 1, 22 сл.*

² Там же, *Instruct., II, 2, 8.*

³ Там же, *Carm. apolog., 1014.*

⁴ Там же, 1007.

⁵ Там же, 980—981 (*Quorum [т. е. нечестивого царя и др.] primores praepositi sive legati in loco servorum statim rediguntur iniqui*).

⁶ Там же, 982 (*Interea sancti intrant in colonia Sancta*).

порабощенными свободными общинниками. Немногочисленные источники, дошедшие до нас от этого времени, свидетельствуют о крайне тяжелом положении. Надпись от 238 г., найденная во Фракии, содержащая жалобу крестьян из фракийских деревень Скаптопары и Гресеи императору Гордиану III, свидетельствует, что крестьянство во Фракии беднело и разорялось под действием чиновничьего и военного аппарата империи. Крестьяне жалуются, что вымогательствами и насилиями сборщиков податей они доведены до полного разорения, что они „не в силах больше снести“ чинимых им обид и, не имея больше возможности уплачивать налоги и повинности, будут вынуждены покинуть свои родные очаги и сделаться беглыми по примеру многих односельчан.¹

Некоторые надписи III в. из восточной Лидии говорят о незаконных грабительских действиях *κολλητιῶνες*, разорявших крестьян и доводивших их до полной нищеты.² Петиция крестьян императорского домена в области Филадельфии в Лидии, поданная императору Септимию Северу, содержит жалобы на самовольные аресты, взятки, обиды и избиения до смерти колоннов, чинимые полицейскими властями. Колонны жалуются на тяжесть налогов и литургий и заявляют, что, не находя нигде защиты и справедливости, они будут вынуждены сделаться беглыми.³ Петиция крестьян из общины Арагуэ во Фригии, поданная императору Филиппу в 247 г., содержит подобные же жалобы на угнетение и бедствия от произвола солдат и сборщиков налогов „свыше невообразимой меры“.⁴

Конечно, такие жалобы не были единичными явлениями, и все они оставались „гласом вопиющих в пустыне“. Неудивительно, что крестьяне Мезии, Фракии, Македонии и Малой Азии убегали в горы и леса и начинали партизанскую борьбу. Мы видим, что движение *latrones* в период дунайских войн получило очень большое развитие, и императору приходилось вести напряженную борьбу на два фронта: и против вторгавшихся из-за Дуная племен, и против *latrones* в тылу. Это видно не только из сохранившихся надписей,⁵ но и из законодательных памятников. Императоры издавали неоднократно строжайшие распоряжения о необходимости ликвидации движения *latrones* любыми средствами. Закон Гордиана III от 243 г. объявлял о полной безответственности тех, кто убивал *latrones*.⁶ В 265 г. в самый разгар дунайских войн император Галлиен вновь подтвердил этот закон.⁷ Эти *latrones* действовали тогда на море и на суше, и они-то оказывали большую помощь вторгавшимся племенам.⁸ Во время вторжений они выходили из своих тайных убежищ и нападали с тыла на отряды рим-

¹ CIL, III, 12336 = IGR, I, 674. Ср.: А. Ранович. Восточные провинции Римской империи в I—III вв. М.—Л., 1949, стр. 248—249; Э. Мишина. Выступление Максимиана и позиция сената. ВДИ, 1938, № 3, стр. 144.

² Keil und Premerstein. Bericht über Reise in Lydien. Denkschr., d. k. Akad. d. Wissensch., Philol.-hist. Klasse, 52, 2, Wien, 1908, 54.2, 1911, 57, 1, 1914; там же, II, 222; III, 9, 28. Ср.: Cagnat, IGR, IV, 1368; Broughton. Roman Asia Minor, стр. 656 сл., L. Robert. Etudes Anatoliennes. Paris, 1937, стр. 104.

³ Keil und Premerstein, ук. соч., III, 55; Cagnat, IGR, IV, 1651: „φυγάδες τε γενέσθαι τῶν σεπτοκίων χωρίων“.

⁴ Cagnat, IGR, IV, 598; Dittenberger, OGIS, 519; CIL, III, 14191.

⁵ См. собранный материал у Д. П. Димитрова. Революционные брожения в Тракия и Мезия през римско время. Исторически преглед, София, година трета, 1946—1947, № 1, стр. 35—51.

⁶ Cod. Just., IX, 16, 2; ср.: VIII, 40, 13.

⁷ Cod. Just., IX, 16, 3.

⁸ Cagnat, IGR, III, 481: „κατὰ θάλασσαν καὶ κατὰ γῆν“. Ср. IV, 886; Dessau, ILS, 8870.

ских войск; они передавали пришельцам из-за Дуная все малейшие движения римских войск, служили им верными проводниками, показывали удобные места для обороны или нападения, доставляли пришлым дружинам нужное продовольствие и фураж, а во время самого сражения вливались в их ряды и бились совместно с ними против безмерно угнетавшего их государства.

Таким образом, продолжительный период дунайских войн является не только борьбой Римской империи с внешним врагом. Это было также и время ожесточенных битв между народными массами восточных провинций и римскими войсками. Туземцы Мезии, Фракии и Малой Азии использовали вторжения своих единоплеменников, чтобы ниспровергнуть римское господство и вернуть себе независимость и свободу. Оракулы Сивиллы кратко говорят об этой борьбе мезийцев, вифинцев и ликийцев, которые совместно с карпами бились против „лютой волчицы“, питавшейся кровью покоренных ею народов.¹ Так навстречу вторжениям задунайских племен в восточных провинциях империи поднималась волна освободительной народной борьбы и сливалась с волной вторжений в один бушующий поток.

По состоянию наших источников мы имеем возможность осветить только отдельные моменты этой освободительной борьбы. Уже император Максимиан, вероятно в 236 г., подавлял сопротивление восставших даков, которые боролись совместно с карпами и сарматами, вторгнувшимися в Дакию с северо-востока. Об этой войне свидетельствует принятие Максимином почетного прозвища „*Dacius Maximus*“ и „*Sarmaticus Maximus*“.² Множество надписей от 236—237 гг., найденных в Нижней Мезии, показывает, что война была тяжелой и что победа считалась весьма важной. Надписи прославляют Максимиана за подавление восстания и за победу над „варварами“, называя его „владыкой земли, моря и всего рода человеческого“.³

Сейчас же после убийства Максимиана в 238 г. в Мезии и Фракии начались открытые восстания жителей этих провинций. Отрывочные данные не позволяют нам говорить о характере этих восстаний. Повидимому, в своей основе это было движение провинциальных верхов против политической унии с Римом, протест местной аристократии против деспотического централизма, который в сильной степени истощал эти провинции. Но эти сепаратистские движения переплетались с освободительной борьбой угнетенных масс и сопровождалась какой-то поддержкой карпов.⁴ Провозглашенный императором, Гордиан III отправил для подавления восстания своего лучшего полководца Туллия Менофила. Краткий рассказ позднейшего писателя Петра Патриция об этих событиях упоминает только о борьбе римских войск с карпами и готами.⁵ Однако из сообщения Юлия Капитолина мы узнаем, что Гордиан III еще через три года, в 242 г., должен был подавлять сопротивление мезийских и фракийских повстанцев. На своем пути на Восток для борьбы с персами Гордиан III вместе с префектом претория Тимесифеем

¹ Orac. Sibyl., ed. A. Rzach, 1891, XIII, 137 сл.

² CIL, XII, 5559; III, 3336, 3660, 4837, 5218. Cp.: V. Christescu. *Istoria militară a Daciei romane*. Bucarest, 1937, стр. 89.

³ V. Párvan. *Histria*. IV, стр. 656; VII, стр. 83. *Dacia*, II (1925), стр. 245 сл., III—IV (1927—1932), стр. 511.

⁴ SHA, Maxim et Balbin., 16.3: „ . . . sub his pugnatum est a Carpis contra Moesos; fuit et Scythici belli principium, fuit et Histriae excidium eo tempore.“ Cp. Jord. *Get.*, 16, 91.

⁵ FHG, IV, стр. 186, fr. 8.

отправился в Мезию и Фракию, где успешно сражался с повстанцами. Именно так, по нашему мнению, следует понимать слова Юлия Капитолина: „... fecit iter in Moesiam atque in ipso procinctu quicquid hostium in Thraciis fuit, delevit, fugavit, expulit atque sumovit“.¹

Бенье предполагает, что в данном месте под словом „hostium“ разумеются готы и сарматы.² Низе считал, что это были готы и карпы,³ а Христеску думает, что здесь имеются в виду только карпы.⁴ Однако ни с одним мнением согласиться нельзя. Слово „hostium“ может обозначать здесь только внутренних врагов, т. е. мезийских и фракийских повстанцев, так как и Юлий Капитолин и все другие писатели „Истории Августов“ только в таком значении употребляют это слово. Они всегда обозначают этим словом только внутренних врагов империи (*hostis publicus*), а вторгавшихся из-за Дуная врагов всегда называют или скифами, или варварами, или собственным этническим именем.⁵

Как видно из краткого сообщения Капитолина,⁶ часть повстанцев была „изгнана“ (*fugavit, expulit*), т. е., очевидно, отступила за пределы римской территории к этнически родственным скифам-гетам, а затем в союзе с этими скифами, во главе которых стоял их вождь Аргунт, опустошила пограничные римские области.⁷ Вместе с ними выступают и аланы. При поддержке этих дунайских племен повстанцы перенесли войну во Фракию и разбили римские войска у города Филиппы.⁸

В правление императора Филиппа (244—249) освободительное движение в Мезии и Фракии снова приняло большие размеры. Оно также совпало с вторжением карпов и других европейских племен, оказавших поддержку повстанцам. Краткие сведения о событиях в Балканских провинциях в это время мы находим у Зосима. Рассказав о вторжении карпов и о победе над ними Филиппа в 246 г., Зосим замечает: „В то же самое время произошли большие волнения. Народы Востока не могли вынести гнета налогов и вымогательства Приска, который начальствовал над ними. Они восстали и передали всю власть Иотапиану. В то же время мезийские и паннонские войска передали власть Марину (Пакаатиану). Филипп, приведенный в ужас этими волнениями, умолял сенат или дать ему силы, чтобы подавить их, или низложить его, если его правление было для сената неугодным“.⁹ Трудно, конечно, уловить истинный характер событий из этого краткого рассказа. Однако из него ясно видно, что события 246—247 гг. в дунайских провинциях не огра-

¹ SHA, Gord., tres, 26, 4.

² M. Besnier. L'empire romain de l'avènement des Sévères au concile de Nicée. Paris, 1937, стр. 151.

³ В. Niese. Grundriss d. röm. Geschichte, стр. 370.

⁴ V. Christescu, ук. соч. стр. 91.

⁵ О „hostes“ как внутренних врагах см.: SHA, Maxim., 16, 6; 20, 8; 24, 26; 26, 2, 3, 4; Gord. tres, 11, 7, 9; 13, 6; Maxim et Balbin., 2, 11; 8, 6, 7; 10, 2, 3; Claud., 11, 8; Aurelian., 7, 5, 11, 6; в противоположность этому о „barbari“ см.: SHA, Maxim., 29, 2, 3; Gord. tres, 14, 1; Maxim. et Balbin., 12, 3; Claud., 6, 6; 7, 1, 3; 8, 2; 9, 4, 5, 8; 11, 3, 7; 12, 4; Aurel., 18, 6; 21, 4; 22, 2; 35, 4 и во многих других местах.

⁶ SHA, Gord. tres, 26, 4.

⁷ SHA, Gord. tres, 31, 1: Argunt Scytharum rex finitimorum regna vastabat. Jord., Get., 16, 91 превратил этого Аргунта в готских вождей Аргайта и Гунтерика, а некоторые немецкие националистические историки без всякого основания пытаются утверждать, что имя Аргунта вымышлено и составлено якобы из начальных слогов имен Аргайта и Гунтерика. См.: В. R a p p a r o r t. De Gothorum incursionibus. Lipsiae, 1890, стр. 25, 26.

⁸ SHA, Gord. tres, 34, 4.

⁹ Z o s i m., I, 20, 1, 2; 21, 1. Cp.: Zonar., XII, 19; Jordan. Get., 16, 90.

ничивались только вторжениями европейских племен, мятежами дунайских легионов и узурпациями, как это обычно излагается в исторической литературе.¹ Несомненным фактом является также и то, что помимо мятежей войск и вторжений в это время в Мезии, Фракии и, возможно, в Паннонии происходило широкое народное восстание, поддержанное солдатами легионов, стоявших в Мезии. Восставшие провозгласили императором простого центуриона Марина Пакатиана и открыли границу карпам и другим гето-фракийским племенам. В то же время вспыхнуло восстание во Фракии, и такая ситуация произвела панику в Риме. Причина восстания ясно указывается Зосимом. Это — тяжесть налогового бремени и злоупотребления римских властей.²

Отсюда можно заключить, что основной массой восставших было трудящееся население провинций. Во Фракии очагом и опорным пунктом восстания был древний фракийский город Пульпидава (Pulpidava), который при подавлении восстания был совершенно разрушен, что свидетельствует об ожесточенном характере борьбы. В 248 г. восстание во Фракии было уже подавлено, так как в этом году Филипп восстановил город и назвал его своим именем.³ Вероятно, одновременно было подавлено восстание и в Мезии.

Вслед за утверждением в дунайских провинциях римского господства мезийские и паннонские легионы низвергли Филиппа и провозгласили императором усмирившего восстание полководца Деция, который начал войну против Филиппа. Борьба за верховную власть окончилась победой Деция при Вероне (249 г.), где войска Филиппа были разбиты и сам он был убит. Но сейчас же после вступления на престол Деция против него поднял восстание в Галлии некий Валент, и Деций только в 250 г. мог его подавить.⁴

В обстановке гражданских войн вновь началась в Мезии и Фракии народно-освободительная борьба, которая сочеталась с большим вторжением европейских племен и приняла огромные размеры. Наиболее подробный рассказ о событиях 250—251 гг. в Мезии и Фракии мы имеем у Иордана.⁵ Однако его рассказ не заслуживает доверия. Иордан представляет все события только как борьбу Деция с готским вождем Книвой, который якобы перешел Дунай с огромным войском и опустошал Мезию и Фракию.

Но в данном случае Иордан, как и другие писатели, смешивает готов с гетами. Зосим, описывая эти события, говорит только о скифах и ниоткуда не видно, чтобы под скифами он разумел именно готов.⁶ Дексипп, описывая осаду Филиппополя, также говорит не о готах, а о скифах,⁷ и только у позднейших писателей, в соответствии с установившейся традицией, на этих скифов переносится имя готов без достаточных оснований.⁸

¹ В. Rappaport. Die Einfälle der Goten in das röm. Reich. Leipzig, 1899, стр. 33.

² Zosim., I, 20, 2: „τά μὲν κατὰ τὴν ἐφῶν ταῖς τῶν φόρων εἰσπράξει καὶ τῷ Γρίσκῳ ἄρχειν τῶν ἐκεῖσε καθεστραμένων ἐθνῶν, ἀφόρητον ἄπασιν εἶναι βαρυνόμενα, καὶ διὰ τοῦτο πρὸς τὸ νεωτερίζειν τραπέντα“.

³ Euseb. Chron., 2264 (248): „Philippus urbem nominis sui in Thracia construxit“.

Ср.: Jord. Romana, ed. Th. Mommsen, стр. 37.

⁴ Zosim., I, 22; Eutrop., IX, 4; Aur. Vict. De caes., 29, 3.

⁵ Jord. Get., 18, 101; ср.: Zosim, I, 23, I.

⁶ Zosim., I, 23, I: „Σκυδαί . . . ἐλήθηοντο τὰ περὶ τὴν Θράκην χωρία“.

⁷ Dexip., fr. 19, FHG, III, стр. 686. Ср.: ВДИ, 1948, № 2, стр. 309.

⁸ Sync., стр. 376 А, ed. Bonn: „Σκυδαί . . . οἱ λεγόμενοι Γότθοι“.

Из рассказа Иордана следует, что Книва с большой армией готов в 250 г. перешел Дунай у города Новы, граничащего с Дакией. Следовательно, надо предположить, что массы готов вторглись в этом году в Нижнюю Мезию из Дакии. Но из многих надписей и монет видно, что как раз в этом году в Дакию вторглись не готы, а гето-фракийские племена во главе с карпами и Деций сражался в Дакии с карпами и освободил от них, вероятно, не всю, а только часть этой провинции.¹ Отсюда гораздо вероятнее предположить, что готы Книвы, о которых рассказывает Иордан, были в действительности гетами. Они оказали решительную поддержку восставшим против римского господства мезийским гетам-дакам, покоренным римскими завоевателями и жившим восточнее Новы, т. е. в Нижней Мезии и Малой Скифии (Добрудже).

Автохтонным элементом здесь являлись именно гето-даки, которые были поработаны римскими колонизаторами, и, кроме того, здесь в предшествующие времена было принудительно поселено множество переселенных из-за Дуная даков.² Они-то и поднялись в союзе с этнически родственными задунайскими гетами на освободительную борьбу. Разбитые у Новы легатом Нижней Мезии Гаем Требонианом Галлом, повстанцы совместно со своими единоплеменниками с того берега реки отступили к Никополю, лежавшему между Дунаем и Балканскими горами, и осадили его. Это было, следовательно, не только вторжение, но вместе с тем и восстание покоренных Римом гето-фракийских племен. Только под пером Иордана эта борьба против римского господства на Дунае превратилась в завоевательные походы готов. В действительности борьба Деция с Книвой была напряженной и тяжелой борьбой и против внешних и против внутренних врагов рабовладельческой империи. Особенно ожесточенные битвы Деция с повстанцами происходили во Фракии у города Верии, где войска Деция потерпели полное поражение, и у Абритта, укрепленного города в Нижней Мезии, где Деций, окруженный врагами, пал в битве, а его армия была уничтожена.³ Евсевий Кесарийский, обозначая место гибели Деция в „скифской долине“, в области „варваров“, прямо замечает, что здесь римская мощь подверглась поруганию гетов.⁴ Другие же авторы смешивают гетов с готами вслед за Иорданом.

Подробности этих событий нам не известны, и краткие рассказы о них писателей очень неясны и противоречивы. Но из этих рассказов мы можем видеть, что вторжение скифов-гетов приняло ярко выраженный классовый, антирабовладельческий характер и их террор был направлен против знатных и имущих лиц. Это также может свидетельствовать о том, что данное вторжение гето-фракийских племен слилось с внутренней освободительной борьбой поработанных народных масс Мезии и Фракии. Относительно Фракии Зосим и Аммиан Марцеллин

¹ В надписях Деций весьма часто называется „Dacius Maximus“, см.: CIL, II, 4957, 4958, а в надписи от 250 г. из Apulum в Дакии он назван „restitutor Daciae“, см.: CIL, III, 1176. На монетах Деция можно читать слова „Dacia felix“, м.: Eckhel, VII, стр. 343; Cohen, V, стр. 206, № 1 и 30—36. О карпах ср.: Lactant. De mort. persec., IV, 3. Но о готах в Дакии в это время мы ничего не знаем.

² Strab., VII, 3, 10; Cass. Dio, LI, 22.

³ Jord. Get., 18, 101—103; Zosim., 23—25; Ammian., XXXI, 13, 13; Aur. Vict. Epit., 29, 3; Sync., стр. 376, А; Zonar., XII, 20.

⁴ Euseb. Hist. eccl., Bd. I, Leipzig, 1902, стр. 190, „ἡμίχρα ἐν ταῖς Σκυθικαῖς πεδίοις πικροτάτη πικρὸν τὸ περιβόητον Ῥωμαίων κράτος ἤγχεε τοῖς Γέταις εἰς χαταφρόνησιν“; Eutrop., IX, 4: „... in barbarico interfecti sunt“; Oros., VII, 21, 3: „... in medio barbarorum sinu interfectus est.“

говорят, что после взятия богатого и многонаселенного города Филиппополя „варвары“ учинили в этом городе массовый погром и увели большое число знатных пленников, обращенных в рабов.¹

Явно несуразен рассказ источников, будто во время осады Филиппополя наместник Фракии Люций Приск вступил в тайные переговоры с готами Книвы, обещая им сдать город, если они признают его императором, и будто соглашение было заключено и Филиппополь был сдан готам и беспощадно разграблен.² Но если признать достоверным, что Филиппополь, хорошо укрепленный и многонаселенный, вынужден был открыть ворота врагу без боя, то весьма вероятным становится предположение, что не измена Приска, а стихийное восстание городского населения в этом древнем фракийском городе, превращенном завоевателями в опорный пункт своего господства в покоренной стране, было причиной легкого взятия города, как это происходило в других случаях.³

Но еще более заслуживает внимания следующий факт. Наши источники повествуют, что провозглашенный войсками императором после гибели Деция наместник Мезии Требониан Галл заключил с готами договор и позволил им спокойно уйти с богатой добычей и массой знатных пленников, а соправитель Галла Волюзиан обязался платить им ежегодную дань. Но почему же после счастливого, казалось бы, конца событий римское господство в Мезии и Фракии не было полностью восстановлено? Не слышно ничего ни о восстановлении разрушенных городов, ни о сооружении новых зданий в городах, ни об исправлении дорог, что римские власти обыкновенно делали после очищения провинций от вторгнувшихся врагов.

Обычные посвятительные и панегирические надписи после гибели Деция сделались весьма редки. Самое имя Деция, который, казалось бы, имел право на некоторую признательность со стороны римских колонистов Мезии и Фракии, так как за их благополучие он отдал свою жизнь, не встречается ни в одной посвятительной надписи.⁴ Не правилен ли будет поэтому вывод, что сопротивление покоренного населения балканских провинций не было окончательно сломлено и после гибели Деция римское господство здесь еще долгое время не могло прочно утвердиться?

Мы видим, что по мере усиления натиска задунайских племен усиливается в восточных провинциях и народно-освободительная борьба, и наши источники теперь дают нам некоторую возможность утверждать, что эта упорная и ожесточенная борьба развертывается под знаком тесного союза восставших народных масс с прорывавшимися извне варварами для полного ниспровержения угнетавшего покоренные народы Рима. Уже при приближении „варваров“ к границам провинций, когда среди римских властей и имущих классов возникала паника, угнетенные массы, пользуясь общим замешательством, поднимались на борьбу. Так, осенью 253 г., в начале правления императора Валериана, во время вторжения „варваров“ в дунайские области, когда главный их удар был направлен против Фессалоники, в Греции начались волнения, и, по словам Зосима, это обстоятельство возбудило серьезное беспокойство

¹ Ammian., XXXI, 5, 17; ср.: Zosim., I, 24, 2: „...καὶ τοὺς αἰχμαλώτους, οἱ μάλιστα τῶν εὐπατρίδων ἦσαν“.

² Zosim., I, 24.

³ См. ниже о взятии в 257 г. города Трапезунта.

⁴ R. Vulpe. Histoire ancienne de la Dobroudja. Bucarest, 1938, стр. 270.

Валериана, так как там создалась большая угроза римскому господству.¹ Конечно, эта угроза не могла исходить со стороны имущих греков и богатых римских колонистов. Нам известно, что имущее население греческих городов во время массовых вторжений европейских племен с оружием в руках становилось на защиту римского господства. В этой связи весьма характерен рассказ о деяниях Публия Геренния Дексиппа, явившегося спасителем римского режима в Греции. Когда в 268 г. вторгнувшиеся в Грецию племена взяли Афины и богатые граждане, бежав из города, скрывались в горах, Дексипп, сам богатый землевладелец, происходивший из старинного рода Керкиров, составил из афинской аристократической молодежи небольшой отряд и, в ожидании скорой помощи приближавшегося римского флота, повел его против бродивших отрядов вторгнувшихся племен. Дексипп имел успех, и, когда прибыл флот, римские солдаты соединились с отрядом Дексиппа и изгнали „варваров“ из Аттики.² Но эти греки, защищавшие римский режим, не имели ничего общего с угнетенными трудящимися массами. Они владели большими поместьями, были богаты, имели связи и влияние в Риме и извлекали из римского господства большие выгоды для себя. Со стороны таких греков, к которым принадлежал и Дексипп,³ никакой угрозы римскому господству в Греции не могло быть.

Угроза создавалась, очевидно, со стороны народных масс, занятых тяжелым трудом в аттических каменоломнях, в рудниках, на шерстяных и прядильных фабриках или закабаленных ростовщическими сетями римско-италийских купцов. Народные массы активно помогали „варварам“. В 256 г. греческие рыбаки в гаванях Понта Евксинского, Боспора и Пропонтиды доставляли боранам свои рыбацьи лодки для переправы в Малую Азию.⁴ Беглецы из армии, рыбаки и моряки из прибрежных городов и сел были гребцами и управляли судами при переправах торговавшихся европейских племен на берега Греции и Малой Азии.⁵ Опытные в кораблестроении люди помогали „варварам“ сооружать корабли для морских набегов.⁶ Когда морские корабли „скифов“ приближались к берегам римских владений и когда они высаживались из своих кораблей на берега, угнетенные массы восставали и действовали совместно с „варварами“ против римских колонизаторов и поддерживавшей их местной знати.

До нас дошло каноническое послание Григория Тавматурга, епископа Неокесарии в Понте, которое сообщает о большом народном восстании в этой провинции во время вторжения боранов и готов. Это послание имеет для нас важнейшее значение, так как то, о чем рассказывает в нем Григорий, несомненно происходило в большей или меньшей степени во всех восточных провинциях, подвергавшихся вторжениям.

Написанное под свежим впечатлением событий, оно дополняет скудные рассказы хроник и ясно показывает нам, почему возможно было, чтобы эти относительно небольшие отряды „варваров“ так глубоко

¹ Zosim., I, 29, 2: „Γαρχαῖς ἢ Ἑλλὰς ἐξητάζετο πᾶσα; ср. I, 30, 1: συνιδὼν δὲ ὁ Οὐαλεριανὸς τὸν πανταχόθεν επικείμενον τῇ Ῥωμαίων ἀρχῇ κίνδυνον“; Sync., I, стр. 715, 11.

² Dexipp., fr. 21, FHG, III, стр. 680; Sync. I, стр. 717, 17; ср.: SHA, Gallien., 13, 8.

³ Дексипп в то время был архонтом-эпонимом и базиливсом (CI Att., III, 713).

⁴ Zosim., I, 31, 1.

⁵ Там же, 33, 1.

⁶ Ср.: Cod. Just., IX, 47, 25.

внедрялись в римские области, свободно опустошали их и почти всегда благополучно возвращались назад.

Послание было адресовано епископу Трапезунда, имени которого мы не знаем. Оно было одобрено епископами всех восточных церквей и дошло до нас в форме канонов, с комментариями на них Вальсамона и Зонары. Это одно уже говорит о том, что официальные представители христианской церкви уже в этот период кризиса Римской империи задолго до легализации христианской религии вели активную борьбу против революционного движения угнетенных масс. То, что церковные власти придавали каноническому посланию Григория Тавматурга такое важное значение, свидетельствует о том, что народные движения, осуждаемые в нем, имели, по крайней мере в Малой Азии, широкое распространение.¹ Послание было написано вскоре после вторжения европейских племен в римскую провинцию Понт в 256—257 гг. и связанных с этим вторжением событий в этой провинции. В эти годы „северные варвары“, в числе которых наши источники называют боранов и готов, предприняли большой морской поход с целью вторгнуться в Малую Азию. Постепенно они наводнили северные берега Малой Азии, взяли Питиунт, укрепленный пограничный римский город с хорошим портом вблизи древней Колхиды, сделали нападение на Фазис, хорошо укрепленный город при устье одноименной реки и, наконец, овладели большим и богатым г. Трапезунтом, главным стратегическим пунктом империи в Малой Азии, оживленным торговым городом, окруженным двойными мощными стенами.

Наиболее подробный рассказ о взятии Трапезунта мы находим у Зосима, который сообщает: „Варвары пристали к Трапезунту, большому и многонаселенному городу, в котором, кроме обычного гарнизона, было 10 тысяч воинов. Они предприняли осаду, так как не смели надеяться взять приступом город, окруженный двойной стеной. Но они узнали, что солдаты вместо защиты стен шли в таверны, предаваясь лени и разгулу, и наставили к стенам в продолжение ночи приставные лестницы, которые готовили перед тем долгое время, а затем, взобравшись по ним на стены, ворвались в город. Солдаты, пришедшие в ужас от такого внезапного вторжения, бросились к другим воротам, и многие были убиты во время бегства.

Таким образом, варвары сделались хозяевами взятого ими города; они нашли в нем огромные богатства и захватили множество пленных, так как все жители окрестностей бежали туда, как в самое безопасное и укрепленное место в стране. Варвары тотчас же разрушили храмы и более значительные дома, забрали все, что было ценного и богатого, и, еще раз опустошив страну, возвратились к себе вместе с большим количеством кораблей“.²

Каноническое послание Григория Тавматурга существенно дополняет этот сухой рассказ Зосима. Перед нами из кратких церковных формул встает картина большого стихийного восстания социальных низов в Понте. Главным очагом восстания был Трапезунт, и самое восстание связывалось со взятием этого города вторгнувшимися племенами. Но так как епископская власть Григория простиралась на весь Понт и

¹ „Ἐπιστολὴ κανονική. Περὶ τῶν ἐν τῇ καταδρομῇ τῶν βαρβάρων εἰδωλόθυτα φυχόντων ἢ ἑτερά τινὰ πλημμελησάντων“. Изд.: De Lagarde. Reliquiae juris ecclesiastici antiquissimae graecae. Lipsiae, 1856, 156, стр. 60; Pitra. Juris ecclesiastici Graecorum historia et monumenta, I. Roma, 1866, стр. 562; MPG, 10, стр. 1020 сл.; ср.: T. Rysel. Gregorius Thaumaturgus, sein Leben und seine Schriften. Leipzig, 1880.

² Zosim., I, 33.

так как его окружное послание было направлено ко всем церквям в восточном Понте от Полемониона до Трапезунта, то, надо полагать, восстание не ограничивалось только районом Трапезунта. Это тем более вероятно, что во всей провинции имущественные различия были очень глубоки и классовые противоречия были очень обострены.

Трапезунт издавна был крупнейшим торговым городом на Черном море и вместе с тем важнейшим пунктом работорговли. Уже Полибий отмечал, что лежавшие по берегам Понта страны доставляли римлянам „огромное количество бесспорно отличнейших рабов“.¹ В римскую эпоху положение не могло измениться. Войдя в сферу римского влияния, Понтийское царство оставалось одним из главных поставщиков на римский рынок рабской силы. Трапезунт сделался главным центром этой работорговли, и сюда во множестве свозились на продажу рабы. Эта рабская сила черпалась главным образом из местного населения. Сами местные царьки различных припонтийских племен, втягиваясь в работорговлю, продавали римским купцам своих обедневших соплеменников и пленников.

Большое скопление рабов и дешевизна их вели к тому, что эксплуатация природных богатств Понта базировалась на широком применении рабского труда. Рабский труд получил развитие и в сельском хозяйстве и в городском ремесле. Богатые владельцы фруктовых садов, стад скота, рыбопромышленники и лесоторговцы широко использовали рабский труд. В разработке же богатых местных рудников и в каменоломнях рабский труд получил исключительно широкое применение.²

С превращением Понтийского царства в римскую провинцию положение трудящегося населения резко ухудшилось. Римские колонизаторы, насаждая здесь рабовладельческие порядки, пустили в ход обычные методы: массовое порабощение, тяжелый налоговый гнет, жестокие формы эксплуатации рабов и свободных, свирепый террористический режим.

Неудивительно, что трудящиеся с ненавистью относились ко всей римской цивилизации и культуре, не поддавались романизации и не желали покорно сносить римское иго. Они легко устанавливали контакт с соседними свободными племенами и во время их набегов в провинцию выступали совместно с ними против колонизаторов. Так случилось и во время вторжения европейских племен в 256—257 гг. Между восставшими в это время, как видно из послания Григория Тавматурга, находилось множество христиан, вера которых не помешала им обнаружить свою классовую ненависть к угнетателям.

Несомненно, что к середине III в. христианство в Понте получило уже широкое распространение, и его адепты были многочисленны. Еще Плиний Младший в своем письме к Траяну от 113 г. свидетельствовал, что в этой провинции было очень много христиан из трудящегося населения городов и сел.³ В условиях римского гнета рабы и свободные бедные труженики с энтузиазмом встречали христианство, как „религию рабов, изгнанных, отверженных, гонимых, угнетенных“,⁴ которая провозглашала идеальное равенство всех перед богом и социальную справедливость.

¹ Polyb., IV, 38, 4.

² Strab., XII, 3, 19, 30, 31, 40; VII, 6, 2; Plin. Nat. hist., IX, 15, 47—52; Aelian. Var. hist., IV, 9; IX, 59; XV, 3, 5, 10.

³ Plin. Epist., X, 96.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 367.

Народный хилиазм получил здесь весьма большое распространение, и христианские бедняцкие массы с нетерпением ожидали ниспровержения Рима и наступления тысячелетнего царства Христа. По словам Ипполита, епископа римского, пропаганда близкого пришествия Христа в начале III в. до такой степени волновала простой народ, что люди прекращали обрабатывать свои земли, оставляли свои поля и хозяйства, а некоторые уничтожали или продавали свое имущество в ожидании великих перемен.¹ Конечно, церковные верхи, все более сраставшиеся с римскими порядками, преследовали народный хилиазм, объявляя его ересью. Они боролись против „революционно-демократического духа“ народных масс, ориентируя их не на земной, а на потусторонний мир. Жгучий для масс вопрос о ниспровержении Рима и наступлении новой, лучшей жизни бюрократизирующиеся церковные верхи спешили перенести в сферу чисто религиозно-мистических представлений и „мировую катастрофу“ отодвинуть далеко в глубь времени, поренося новое царство Христа на небеса.

С этой именно целью написал свое сочинение об антихристе римский епископ Ипполит во время гонений на христиан императора Септимия Севера.² Как он сам говорит, он написал это сочинение, чтобы доказать, что конца мира еще нельзя ожидать, ибо „люди верили и проповедовали, что скоро варвары положат конец этому миру“.³ „Подобное ощущение столь близкой большой катастрофы, — писал он, — было так сильно во всех сердцах, что я не мог удержаться, чтобы не высказать своего мнения об этом“.⁴ И хотя Ипполит по старой христианской традиции образ антихриста переносит на Римскую империю и произносит довольно резкие суждения о ней,⁵ он в то же время категорически отвергает народный хилиазм, народные ожидания близкого ниспровержения Рима, считая их глупыми и несовместимыми с христианскими взглядами. Однако массы слабо понимали ортодоксальный церковный хилиазм и вкладывали в это учение земной, революционный смысл. Народные массы видели ясно, что эти вторгавшиеся на их землю племена, привыкшие к свободной жизни, шли против тех, кто их безмерно угнетал, и потому с ними связывали свои надежды на близкое наступление новых времен. И в момент вторжения готов в провинцию Понт толпы христиан-бедняков были убеждены в том, что наступил, наконец, час царства божьего на земле, грозный час мщенья нечестивцам и долгожданный день торжества праведных людей. Восставшие понтийские христиане объединились с „варварами“ или, как выражается Григорий Тавматург, „сопричислились“ к ним, „сами сделались боранами и готами для других“.⁶

Григорий отмечает, что восставшие массы совместно с „варварами“ нападали на владения богатых лиц, вторгались в дома, убивали крупных собственников, расхищали имущество, разбирали и делили между собой брошенное на произвол судьбы добро бежавших лиц; укрывавшихся или

¹ Hippolyt. Comment. in Dan., IV, 19, ed. Achelis.

² „Περὶ τοῦ σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ καὶ περὶ τοῦ ἀντιχρίστου,“ ed. Achelis, v. I, стр. 3—47. Русск. перев.: Ипполит, еп. римский. Творения, изд. Казанск. дух. акад., вып. I, Казань, 1848. Ср.: K. Neumann. Hippolytus von Rom in seiner Stellung zu Staat und Welt. Leipzig, 1902.

³ C. Bunsen. Hippolytus und seine Zeit, II. Leipzig, 1853, стр. 299.

⁴ Там же, стр. 299.

⁵ Hippolyt. Ant., 28, стр. 19, 10: κνήμαι σιδηραῖ, θηρίον φοβερόν καὶ „ἔκθαμβον Ῥωμαῖοι αὖ νυν κρατοῦντες“.

⁶ Epist. can., VII: „περὶ ἐγκαταλεχθέντων τοῖς βαρβάροις“, can. V: αὐτοὶ ἄλλοις Βοράδοι καὶ Γότθοι γίνωνται (MPG 10 стр. 1040, 1037).

спасшихся от пленения богачей обращали в рабов, принуждая их к тяжелой работе, а незнакомым с местностью „варварам“ указывали путь и дома знатных лиц. Были нарушены все социальные порядки, все нормы жизни и взаимоотношений, охраняемые римским государством. Церковные руководители в лице епископа Неокесарии Григория Тавматурга строго осудили это стихийное восстание, в котором принимала участие и христианская беднота, и запечатлели свой суровый приговор в церковных канонах, вошедших потом в Синтагму Матфея Властаря и даже в Славянскую Кормчую.

Так как послание Григория остается еще неизвестным в нашей исторической литературе, то здесь мы даем его перевод с небольшими сокращениями мест, не представляющих для нас большого интереса.

„Не тяготит нас, священнейший отец, пища, хотя и ели пленники то, что было предложено им владельцами их, особенно, когда все согласно говорят, что варвары, вторгнувшись в наши страны, не приносили жертв идолам.¹ Не тяжело и то, что пленные женщины растлены варварами, надругавшимися над их телами“. „Но тяжелое дело есть корыстолюбие, и невозможно в одном послании изложить божественные писания, в которых не только грабеж и присвоение чужого ради гнусной алчности, но и вообще корыстолюбие считается мерзким и страшным делом, и всякий, виновный в этом, подлежит отлучению от церкви божьей“.

„А то, что во время вторжения, среди такой скорби и слез некоторые дерзнули такое время, принесшее всем погибель, считать для себя временем, удобным для корысти, — это свойственно людям нечестивым и богопротивным, дошедшим до крайней степени бесстыдства. Посему признается справедливым всех таковых, отлучить от церкви, дабы из-за них не пришел гнев [божий] на весь народ“.²

„Если же некоторые, неся наказание за прежнее корыстолюбие, содеянное во время мира,³ в такое время гнева [божьего] снова обращаются к нему, наживаясь на гибели и крови людей, изгнанных, плененных или убитых, то чего другого следует ожидать, как не того, что обуреваемые корыстолюбием увеличат гнев [божий] и для себя и всего народа. . . Ибо они теперь [берут] то, что принадлежит братьям, наживаясь от пагубной корысти“.

„Никто пусть не обольщает себя тем, что он будто бы нашел что-либо, ибо непозволительно пользоваться и найденным. . . Если же непозволительно обращать в свою пользу собственность того, который во время мира по беспечности или расточительности потерял ее, будь то брат или враг, то тем более [нельзя пользоваться] собственностью того, который вследствие бедствия или бегства от врагов по необходи-

¹ Здесь послание имеет в виду то, что во время плена христиане могли есть предложенную им варварами идоложертвенную пищу, вкушать которую было запрещено христианину. Григорий и разъясняет, что это „не тяготит“, т. е. не причиняет тяжелого греха.

² Epist. can., II, стр. 1025, 1028. Комментаторы Зонара и Вальсамон объясняют, что здесь имеется в виду случай вторжения христиан в жилища плененных варварами лиц и расхищения их имущества. В Славянскую Кормчую этот канон вошел в такой редакции: „В варварское нахождение своих сосед или инех своей страны богатство восхитившие, zelo суть нечестиви и богу ненавистни и много перемножество злобы имеша, да будут убо отвержены: да не когда погибнет праведный с нечестивыми“. (правило 4).

³ Т. е. до вторжения варваров. Из этих слов можно заключить, что и до нашествия европейских племен в Понте происходили волнения.

мости оставил ее".¹ „Иные обольщают себя, удерживая найденную чужую собственность вместо своей утраченной. Таким образом, как бораны и готы поступили с ними вражески, так и сами они сделались боранами и готами для других".²

„Возвещено также нам нечто невероятное, случившееся в области вашей, совершенное, без сомнения людьми неверными и нечестивыми, не познавшими даже имени господя, как будто некоторые дошли до такой лютости и бесчеловечия, что удерживают у себя в неволе некоторых пленников, спасшихся от врага. Пошлите кого-нибудь в область для расследования сего, да не падет молния на поступающих так“.

„А тем, которые в плену присоединились к варварам и вместе с ними нападали, забыв, что были понтийцами и христианами, и ожесточились до того, что убивали своих единоплеменников или палкой или через повешение, а также указывали дороги и дома незнакомым с местностью варварам³, — таковым должно преградить вступление в разряд слушающих,⁴ пока что-либо решат о них сообща святые отцы, собравшись вместе, и прежде них — дух святой“.⁵

„Дерзнувшие же учинить нападение на чужие дома, если после обвинения будут уличены, да не удостоятся даже и чина слушающих. Но если сами о себе объявят и возвратят похищенное, то в чине обрабатывающихся да припадают“.

„А те, которые наши что-либо на поле или в домах своих, оставленное варварами, если после обвинения будут уличены, да будут равным образом в чине припадающих; если же сами о себе объявят и отдадут [найденное], то да удостоятся и молитвы“.

Помимо церковного наказания, как указывает Вальсамон, к тем, „которые сделались единомысленными с варварами и стали злоумышлять против римского государства“, гражданские власти применили *lex Julia majestatis*. По этому закону за злоумышление против римского народа и его безопасности, за вооруженное восстание и убийство властей, за бегство к варварам и за оказание им помощи продовольствием, оружием, лошадьми, скотом и другими необходимыми им предметами понтийские повстанцы подлежали смерти.⁶ Закон определял таких лиц сжигать живыми или распинать.⁷

Волнения в Малой Азии во время вторжений 256—258 гг. не ограничились только районом Трапезунта. Они происходили на широком

¹ Epist. can., IV, стр. 1034. Возможно, что в этом каноне идет речь о захвате земель бежавших собственников и о разделе их между восставшими, так как Вальсамон в своем комментарии на это место ссылается на Базилики, кн. 34, тит. 1, гл. 17, где сказано: „Возвращенные от врагов поля получают обратно прежние владенья“.

² Epist. can., V, стр. 1037. Ср. Славянскую Кормчую: „И аще и сами что погубивше, и в того место чюждая восхитивше держат, сами ся прельщуют: от Ворад бо и Гоф пострадаваше, Вороде и Гофи быша другом своим“ (Правило 8).

³ Epist. can., VII, стр. 1040: „Τοὺς μὲν οὖν ἐχρηάταλεχθέντας τοῖς βαρβάραις . . . καὶ ἐχβαρβαρωθέντας δὲ ὡς καὶ φονεῦεν τοὺς ὁμοφυλοὺς ἢ εὐλοῦ ἢ ἀγρόνη υποδεικνύναι δὲ ἢ ὁδοῦς ἢ οἰκίας ἄγνους τοῖς βαρβάραις“.

⁴ Epist. can., VII, стр. 1040: „καὶ τῆς ἀχροάσεως ἀπετρεῖται δεῖ . . .“. Термин „слушающие“ („ἀχροώμενοι“) относится к процессу вступления в христианскую общину, заключавшемуся в трех ступенях „покаяния“. „Слушание“ („ἰχρόσις“ вместе с верующими чтения священного писания) составляло вторую ступень.

⁵ Epist. can., VII, стр. 1040. Ср. Славянскую Кормчую: „Мудръствующий варварская пленицы, убивающе же едиnorodныя своя, и пути и домы варваром показующе, от послушания божественных писаний да упразднятся“ (Правило 10).

⁶ Ср. Dig., XLVIII, 4: „Ad legem Juliam majestatis“.

⁷ Ср. Dig., XLVIII, 19, 8, 2: „. . .hostes autem, item transfugae, ea poena adfiniuntur, ut vivi exurantur“; ср. 19, 38, 1: „. . .transfugae ad hostes aut vivi exuruntur, aut furcae suspenduntur“.

пространстве и принимали различные формы. О волнениях и подавлении их в Ликии и Памфилии говорит нам одна надпись из г. Термесса, относящаяся ко времени правления императора Валериана.¹ При взятии вторгнувшимися европейскими племенами в 258 г. городов Халкедона, Никомедии, Nikeи, Апамеи, Прусы и других им помогали народные массы. Зосим отмечает только один факт. Он рассказывает, что при вторжении варваров в Вифинию, после взятия ими Халкедона, некий Хрисогон повел их в Никомедию. Он не только служил им проводником, он руководил взятием этого большого и богатого города и заслужил не только благодарность варваров, но получил и свою долю добычи.² Ясным становится то, что Хрисогон действовал не один, а, повидимому, стоял во главе значительного отряда местных повстанцев, объединившихся с варварами для борьбы против классового врага.

О широком распространении народных движений в Малой Азии в это время могут свидетельствовать и свирепые гонения на христиан. Поскольку оппозиция против римского гнета и существующего строя идеологически проявлялась в христианстве и поскольку христианские бедняцкие массы были проникнуты ненавистью к римскому господству и объединялись с пришлыми европейскими племенами, массовый террор римской государственной машины при подавлении восстаний должен был направляться и против христиан. Мы видим, что как раз в период вторжений 257—258 гг. император Валериан декретировал массовые гонения на христиан. Он запретил собрания христиан, приказал разыскивать и изгонять их пророков и проповедников и приговаривать к смертной казни тех, кто не пожелает поклониться римским божествам.³ И как раз наиболее свирепые гонения происходили в это время в Малой Азии.⁴ Мы знаем также, что и Марк Аврелий во время маркоманнской войны и Деций во время борьбы со скифами-гетами в Мезии и Фракии также начинали жестокое преследование христиан.

Так, всякое вторжение варваров вызывало гонение на христиан. Пусть сведения об этих гонениях сильно преувеличены и позднейшая церковная традиция разукрасила их различной фантастикой. Но самый факт гонений отрицать нельзя, и они служат для нас косвенным доказательством того, что массы христиан наравне со всеми угнетенными активно участвовали в антиримской народно-освободительной борьбе.

Своего наивысшего напряжения вторжения европейских племен в восточные провинции достигли при императоре Галлиене (260—268). Но как раз на это время падает и высшая точка развития народно-освободительной борьбы. Как известно, при Галлиене почти все провинции отпали от империи; там появились свои императоры, что свидетельствует о чрезвычайном развитии сепаратистского движения, приведшего к распаду централизованного государства (Кириад, Макриан, Баллиста, Оденат и Зенобия на Востоке; Постум, Лоллиан, Викторин и Тетрик в Галлии; Ингенуй, Регалиан и Авреол в дунайских провинциях; Сатурнин в Понте, Требеллиан в Исаврии, Пизон в Фессалии, Валент в Ахайе, Эмилиан в Египте, Цельс в Африке).

За отсутствием полноценных источников мы, к сожалению, не имеем возможности изложить ясно все события, связанные с этим грандиозным

¹ Cagnat, IGR, III, 481. Ср.: А. Ранович. Восточные провинции Римской империи в I—III вв. М.—Л., 1949, стр. 94.

² Zosim., I, 35, 1.

³ Suprian. Epist., 80.

⁴ Chron. Pasch. (ed. L. Dindorf), I, Bonn, 1832, стр. 481: „μεγίστων τὴν Ἀσίαν ἀνασπασάντων διωγμῶν πολλοὶ ἐμαρτύρησαν“.

распадом империи и появлением такого количества „императоров“. Но ясно одно. Эти „императоры“ появлялись на фоне интенсивных вторжений в империю европейских и других племен и принявшей широкий размах народно-освободительной борьбы. Бессилие центрального правительства в борьбе против внутренних и внешних антирабовладельческих сил побуждало провинциальную знать взять власть в свои руки для защиты своих интересов и своего добра.

Хотя восстания легионов, выдвигавших узурпаторов, имели, конечно, и свои особые причины профессионального характера, тем не менее несомненно, что в это время недовольство, деморализация и мятежи солдат стояли в самой тесной связи с недовольством широких народных масс, с их открытыми выступлениями как против деспотического централизма, так и против местных богатых верхушечных слоев. Солдатские бунты шли навстречу в это время народно-освободительной борьбе, что пугало местную знать и заставляло ее организовать вооруженную самооборону.

Личности узурпаторов и характеристика их борьбы с центральной властью в немногочисленных и неудовлетворительных источниках заслонили народные движения, направленные к тому, чтобы сбросить невыносимое господство римских колонизаторов и перешедшую на их сторону местную знать. Это главным образом и порождало провинциальный сепаратизм.

С другой стороны, смешение у позднейших римских писателей этнических имен готы и гетов повело к тому, что позже стали называться термином „готы“ местные народности Мезии и Фракии, которые принадлежали этнически к гето-фракийской племенной общности и которым ранние писатели давали общее наименование „геты“. Поэтому освободительная борьба мезийского и фракийского народов подана позднейшими писателями в значительной части в аспекте борьбы римлян с готами, а также в свете политической борьбы между центральной императорской властью и отдельными претендентами на престол.

Это ясно видно из того, что, борясь с готами и узурпаторами, римские императоры, по рассказам писателей, тем не менее всю силу своего террора обрушивали на широкие круги провинциального населения, причем не останавливались перед массовым беспощадным уничтожением его.

Требеллий Поллион рассказывает, что Галлиен после победы над узурпатором Ингенуем обрушил на всех мезийцев жесточайший террор. Только после того как в большей части городов были истреблены все мужчины, его ярость была утолена. И никакие мольбы населения не могли отвратить его от жестокости.¹ А в письме Галлиена к полководцу Венериану Требеллий Поллион вкладывает в уста императора такие слова: „Для меня недостаточно, если ты убиваешь только военных... Должен быть истреблен весь мужской пол, даже и старики и юноши без сожаления могут быть убиты. Уничтожай всякого, кто сказал злое против меня, против сына Валериана и наследника отца и брата... Руби, бей, режь, пойми мое желание, проникнись гневом моим, который я запечатлел своей рукою в этом письме“.²

¹ SHA, Trig. Tyr., 9, 3: „... in omnes Moesiacos tam milites quam cives asperrime saevit, nec quemquam suae crudelitatis exortem reliquit, usque adeo asper et truculentus ut plerasque civitates vacuas a virili sexu relinqueret“.

² SHA, Trig. Tyr., 9, 6, 7, 8, 9.

При всем сомнении в исторической достоверности этого письма, то, что в нем рекомендуется, было вполне в духе традиционных римских методов — водворять немое повиновение среди своих непокорных подданных. Но ведь следует обратить внимание на то, что Требеллий Поллион рассказывает нам только о войне Галлиена со скифами и готами. Чем же был вызван такой исключительно жестокий террор против мирного населения Мезии, если оно оставалось покорным?

В действительности мезийские и фракийские геты в это время вели ожесточенную борьбу против римского господства. Ко времени правления императора Клавдия II (268—270) при поддержке своих единоплеменников, пришедших из-за Дуная, они распространили свое влияние также на Иллирию и Македонию, где римское господство было подорвано.¹ В 264 г. Галлиен сражался с ними в Иллирии, а в Македонии и Греции против них выступал полководец Галлиена Маркиан. Но эта, по сути дела, освободительная борьба покоренных народов в Балканских провинциях изображается в наших источниках как война римлян с готами, вследствие смешения этнических имен. Требеллий Поллион,² а за ним Аврелий Виктор, Евтропий и Орозий, упоминая об этих битвах, смешивают гетов с готами.

По Орозию, эти готы-геты до битвы с Клавдием в течение 15 лет, т. е. с 253 г., когда императором был Валериан, опустошали Иллирию и Македонию.³

Аврелий Виктор отмечает также, что готы-геты в Иллирии и Македонии были очень сильны, сделавшись ко времени правления Клавдия II почти оседлыми жителями, и он их пожелал разбить.⁴

Но когда Требеллий Поллион описывает кратко битву Клавдия II, он говорит, что, кроме готов, которые, по его словам, уже опустошали дунайские провинции, из-за Дуная вторглись „Scytharum diversi populi, Peuci, Grutungi, Austrogoti, Virtingui, Sigypedes, Celtae et Eruli“.⁵

Здесь грутунги (грейтунги) и австроготы — остготы, а виртингвы — тервинги, или вестготы. Но ведь Требеллий Поллион еще отдельно называет готов, и отсюда ясно, что он смешивает готов с мезийскими и фракийскими гетами.

Таким образом, знаменитая битва Клавдия II с готами приобретает иной смысл. Она была в одно и то же время войной и против внешних европейских племен и против покоренных гето-фракийских народов дунайских провинций, которые поднялись на освободительную борьбу. По Требеллию Поллиону, в этой борьбе принимали участие и кельты, под которыми, вероятно, надо разуметь племена, обитавшие

¹ Zosim., I, 37, 1: „Ὅντων δὲ τῶν ἀπὸ τὴν ἑφ' ἂν ἐν τούτοις, πάντα μὲν ἦν ἀναρχα καὶ ἀβοήθητα. . .“. Ср.: 37, 3: „ . . . ἐν ἐσχάτῳ δὲ καὶ τῶν ἐν Ἰλλυριοῦς πραγμάτων ἐκ τῆς τῶν Σχυθῶν ἐφόδου διαχειμένων καὶ πάσης τῆς ὑπὸ Ῥωμαίους ἀρχῆς ἐς τὸ μῆκετι λοιπὸν εἶναι σκευομένης“.

² Trebell. Poll. Vita Gallieni, 5, 6: „Gothis inditum est, occupatis Thraciis, Macedoniam vastaverunt, Thessalonicam obsederunt“; там же, 13, 9: „Gallienus interea vix excitatus publicis malis Gothis vagantibus per Illyricum occurrit et fortuito plurimos interemit“; там же, 6, 1: „Pugnatum est in Achaia Marciano duce contra eosdem Gothos, undi victi per Achaeos rececerunt.“

³ Oros., VII, 23. „Gothos jam per annos quindecim Illyricum Macedoniamque vastantes bello adortus incredibili strage delevit“. Ср.: Eutrop., IX, 11: „Hic Gothos Illyricum Macedoniamque vastantes ingenti proelio vicit.“

⁴ Aur. Vict. De caes., 34.3: „Gothi, quos diuturnitas nimis validos ac propre incolas effecerat.“

⁵ SHA, Claud., 6, 2.

в Родопе и Геме, — трибаллов, дарданов, скордисков и других, не желавших подчиниться Риму.

Ожесточенные сражения с римскими войсками происходили одновременно у Маркианополя, Византия, Фессалоники и еще в различных местах, где были расположены римские гарнизоны и где находились главные опорные пункты господства римских колонизаторов.¹ Это показывает, что гето-фракийские народности от Маркианополя до Фессалоники восстали против римского господства. Они объединились с вторгнувшимися европейскими племенами и сражались совместно с ними. Хотя победы Клавдия сыграли решающую роль в подавлении народно-освободительного движения и укрепления римского господства в восточных провинциях, однако народные массы не были покорены, так как сражения с ними происходили еще при Аврелиане и Пробе.

В 272 г. имп. Аврелиан сражался с гетскими народностями в провинции Гемимонте и в Европе. Вописк,² а за ним Евтропий и Орозий называют этих гетов готами.

В другом месте Вописк писал: „На своем пути [на Восток против Зенобии] он преодолел много всякого рода значительных стычек. Именно он победил варваров, которые сопротивлялись ему во Фракии и Иллирии и разбил даже на той стороне Дуная предводителя гетов Кеннабава или Каннабава с пятью тысячами его людей и оттуда продолжал свой поход через Византий в Вифинию“.³ Однако тот же Вописк сообщает нам, что Аврелиан, возвращаясь из похода в Пальмиру через Европу в начале 273 г., разбил во Фракии карпов и получил от сената почетный титул *Carpicus maximus*.⁴ Таким образом, против Аврелиана как внутри, так и вне провинции Фракии выступали гето-фракийские племена и среди них самые могущественные в Карпато-Дунайском районе карпы. Они были разбиты и вынуждены были признать римскую власть, причем карпы были поселены во Фракии, вероятно в Родопской горной области.⁵

Весьма примечательно также и то, что, по рассказу Вописка, победоносный Аврелиан совершил свой триумфальный въезд на Капитолий в колеснице, запряженной четырьмя оленями, которых он отнял у „готского вождя“. В этой колеснице, как „готский повелитель“ (*Gothicus maximus*), он въехал на Капитолий, где принес оленей в жертву Юпитеру.⁶

Это служит новым доказательством того, что у Вописка под готами скрываются геты. Известно, что олень в культе и мифологии гето-фракийских народностей Карпато-Дунайского района играл очень значительную роль. Культ этот с образованием восточнославянских племен был воспринят последними и в частности потомками карпов тиверцами, как показывает один рельеф, найденный в начале XX в. в с. Буше

¹ Trebell. Poll., Vita Claudii, 9, 3, 7, 8, 9.

² Voписc. Vita Aureliani, 17, 2, 3.: „Gothi oppugnandi sunt Gothi a Thraciis amovendi, eorum plerique Haemimontum Europamque vexant, qui te pugnante fugerunt omnes exercitus thracicis omnes Illyricos, totumque limitem in tua potestate constituo“.

³ SHA, Aurel., 22, 2.

⁴ Там же, 30, 4: „... pacato igitur oriente in Europam Aurelianus rediit victor atque illic Carporum copias adflixit“.

⁵ Там же, 31, 3; 41, 8. Ср.: Aur. Vict. De caes., 39, 43; Eutrop., IX, 13; Oros., VII, 23, 4.

⁶ SHA, Aurel., 33, 3.: „...fuit alius currus quattuor cervis junctus qui fuisse dicitur regis Gothorum, quo, ut multi memoriae tradiderunt, Capitolium Aurelianus invectus est, ut illic caederet cervos, quos cum eodem curru captos vovisse Jovi optimo maximo ferebatur“.

над Днестром и изображающий сцену поклонения оленю. Этот культ и до настоящего времени сохранил свой след в буковинских и вообще в западноукраинских колядках, знающих „звіря оленьдя“ и „Дунай річку“.¹

Вописк упоминает также, что за триумфальной колесницей Аврелиана вели десять женщин „*quas virili habitu pugnantes inter Gothos ceperat, cum multae essent interemptae, quas de Amazonum genere titulus indicabat*“.² Но это были не готские, а гетские женщины, так как обычай, обязывавший женщин принимать участие в сражениях с врагом наравне с воинами-мужчинами, был весьма распространен среди гетов, и в частности даков, о чем упоминает Кассий Дион при описании дакийских войн Траяна.³

Ясно, что Вописк, а за ним и другие писатели смешивают готов с гето-фракийцами дунайских провинций, которые вместе с карпами и другими племенами Карпато-Дунайского района продолжали свою освободительную борьбу и были разгромлены Аврелианом.

Но и при императоре Пробе империя должна была вести борьбу против народов Балканских провинций.

По Вописку, сенат при восшествии на престол Проба приветствовал его как победителя готов еще во время правления Аврелиана.⁴ Но затем тот же Вописк пишет о Пробе как императоре: „Он продолжал свой поход через Фракию, и все гетские народности (*Geticos populos*), напуганные славой его деяний и подавленные прежде его мощью, сдались ему или заключили с ним мир“.⁵ Таким образом, Проб должен был снова подавлять сопротивление фракийцев. Вописк называет их здесь „гетскими народностями“, тогда как несколько раньше назвал их готами. Совместно с фракийцами сражались вторгнувшиеся во Фракию бастарны, гепиды, грейтунги, или остготы, и вандалы, которые также должны были покориться, причем бастарны в качестве дедитивов были поселены, вероятно, в Родопской горной области.⁶ Однако вскоре же при Пробе снова произошло восстание фракийцев, в котором приняли участие и побежденные бастарны. По словам Вописка, „они нарушили верность Риму и, двигаясь пешие по всей стране и на кораблях, причинили немало ущерба римской славе“.⁷ Часть восставших была снова подчинена, остальные были уничтожены или с боем отступили за Дунай.

Это были уже последние попытки покоренных гето-фракийских народностей освободить себя и свои земли от римского порабощения. Продолжительные и крайне ожесточенные битвы, сопровождавшиеся опустошениями и гибелью значительной части населения, страшный террор против непокорных, разгром этнически родственных карпо-бастарнских племенных союзов, которые при вторжениях поддерживали внутри дунайских провинций народно-освободительную борьбу, ослабили силу народных масс Мезии и Фракии и их сопротивление стабилизирующейся политической и военной мощи империи. К тому же этно-политическая

¹ К. Баладженко. Буковина и ее прошлое. Пгр., 1915, стр. 13.

² SHA, Aurel., 34,1.

³ Cass. Dio., LXVIII.

⁴ SHA, Prob., 11, 9.

⁵ Там же, 16, 3: „... tetendit deinde iter per Thracias atque omnes Geticos populos fama rerum territis et antiqui nominis potentia pressos aut in deditionem aut in amicitiam recepit“.

⁶ Там же, 18, 1: „... ad Thracias redit et centum milia Basternarum in solo Romano constituit, qui omnes fidem servarunt“. Ср.: Zosim., I, 71, 1.

⁷ SHA, Prob., 18, 1, 2.

ситуация в Карпато-Дунайском районе к концу III в. существенно изменилась. Вместо обескровленных и потерявших силу союзов гето-фракийских племен теперь появились новые большие союзы германо-сарматских племен, с которыми империя вступает в военные и дипломатические соприкосновения.

Последняя вспышка освободительной борьбы покоренных гето-фракийских народных масс падает на время Диоклетиана. Источники говорят, что в 295 г. бастарны и карпы, поселенные Аврелианом и Пробом в Родоне, снова восстали, уже как новые римские подданные, но были разгромлены цезарем Галерием в ряде кровопролитных битв, после чего четыре правителя вновь образованной тетрархии приняли почетные титулы „Carpici Maximi“ и „Gothici Maximi“.¹

В результате восстания значительная часть карпов и бастарнов была уничтожена, а остатки их были расселены по различным провинциям. Это была одна из самых блестящих войн реорганизованной империи, о которой вспоминает панегирист Констанция Хлора, когда говорит о *Dacia restituta*.² Она закончила грандиозную эпопею освободительной борьбы на Дунае. Народные массы восточноримских провинций были усмирены. И, может быть, большое гонение на христиан Диоклетиана в переформенных церковной традицией легендах отражает перед нами часть тех кровавых событий, которые были связаны с их основательным усмирением.³

¹ Eutrop., IX, 25, 2: „Varia deinceps et simul et viritim bella gesserant Carpis et Bastarnis subactis...“; Oros., VII, 25, 12: „...postea per eosdem duces strenue adversos Carpos Bastarnasque pugnatum est“. Ср.: Aur. Vict. De caes., 39, 43; Jordan., Romana, 299.

² Paneg. lat., ed. Baehrens, V, 3.

³ Ср.: Н. Delehaye. Saints de Thrace et de Mésie, Analecta Bollandiana, XXXI, 1912, стр. 258—274.